

Не успел Янь Пин отойти от монастырских ворот, как на узкой тропинке нос к носу столкнулся с настоятелем, который спешно спускался с вершины.

Старик замер, буравя его пристальным взглядом. Спрятав руку за спину, он настороженно сжал кулаки, но заговорил подчеркнуто дружелюбно:

— Юный друг, что привело тебя на улицу в столь глубокую ночь?

Янь Пин скользнул взглядом по налипшему на его обувь снегу, прикинул направление к вершине и без лишних слов двинулся прямо на монаха.

Настоятель отшатнулся. В его голове мгновенно созрел план — свалить всю вину на этого ночного гостя. Он набрал в грудь воздуха и яростно закричал, пытаясь привлечь внимание дежурных послушников:

— Да что ты себе позволяешь?!

Договорить он не успел. Прежде чем из его глотки вырвался второй крик, Янь Пин точным, отработанным движением отправил его в глубокий нокаут.

Старик, конечно, попытался дернуться, но его жалкое сопротивление Янь Пин попросту проигнорировал.

Закинув обмякшее тело на плечо, Янь Пин поднялся на вершину, быстро осмотрелся, чтобы оценить обстановку, и тут же двинулся обратно. Ловко разминувшись с монастырскими патрулями, он проскользнул внутрь, пинком распахнул дверь в комнату Цинь Хуаня и его компании и без церемоний растолкал спящих.

Разбуженные посреди ночи парни вскочили в полном замешательстве. На их лицах уже проступала ярость, готовая выплеснуться в отборную ругань, но едва они заметили валяющегося на полу без сознания настоятеля, гнев мгновенно сменился испугом.

— Ты что творишь?! — опешил Цинь Хуань.

Янь Пин бесцеремонно сбросил ношу на пол и сухо, в нескольких словах обрисовал ситуацию:

— Я проверил склон на вершине. Обрыв там не самый крутой, а снег лежит толстым слоем. С высокой долей вероятности они живы.

Гора Яньшань огромна. Даже зная примерную траекторию падения, очертить точный район поисков было нелегко — слишком большая площадь. В такую погоду промедление означало верную смерть.

Какими бы сверхчеловеческими возможностями сейчас ни обладал Янь Пин, он трезво оценивал свои силы. Он не был всемогущим — всемогущих не существует в природе.

Поэтому он посмотрел на парней со всей серьезностью:

— На улице собачий холод. Нужно найти их как можно быстрее. Разобьемся на пары и прочешем склон. Вы идете со мной.

Цинь Хуань и остальные за эти пару минут пережили целую бурю эмоций: от сонного раздражения и недоумения до шока, а затем — паники и глухой ярости.

Они лихорадочно натягивали теплую одежду, хватали телефоны. Напоследок кто-то не удержался и от души пнул лежащего на полу настоятеля, после чего все гурьбой высыпали наружу.

По пути Янь Пин велел им поднять на ноги всех, кого удастся: застрявших в храме блогеров, альпинистов-любителей и случайных туристов. Движимые кто чувством долга, а кто — щедрыми обещаниями вознаграждения от богатенького Цинь Хуаня, люди быстро соорганизовались и высыпали в заснеженный лес.

Сам Янь Пин зазывать народ не стал по самой банальной причине: он был на мели и платить добровольцам ему было попросту нечем.

Монахов тоже припрягли к поискам. Им не стали раскрывать подноготную, бросив лишь короткое: «Пошли посмотреть на ночной пейзаж и сорвались в ущелье». Сейчас было не до выяснения, кто из послушников в курсе темных дел настоятеля, а кто нет. Спасение жизней стояло на первом месте.

В непроглядной тьме заснеженного леса то тут, то там вспыхивали лучи фонариков и экранов мобильных, рассыпаясь среди деревьев блуждающими искрами звезд. Сквозь завывание ветра неслись отчаянные крики:

— Чжао У!

— Гу Юань!

— Чжао У, Гу Юань, если слышите, отзовитесь!

— Чжао У-у!

Тем временем на дне склона из глубокого сугроба тяжело выбирался Гу Юань. Опираясь на дрожащие руки, он долго, мучительно кашлял, словно силился выплюнуть собственные легкие.

Лицо его, и без того малокровное, сделалось пугающе восковым.

Тело превратилось в одну сплошную гематому: ссадины на лбу и щеках, забитые мышцы спины, ноющие суставы рук и ног — болело абсолютно всё. Кое-как восстановив дыхание, Гу Юань с трудом сел.

Он машинально похлопал себя по карманам, но обнаружил лишь пустоту. Мобильник, судя по всему, улетел куда-то в сугроб еще во время падения.

Подползя к лежащему рядом Чжао У, он прижал пальцы к его шее. Пульс прощупывался. Гу Юань принялся лихорадочно разгребать снег голыми руками. К тому моменту, как ему удалось откопать засыпанного наполовину товарища по несчастью, его собственные пальцы окончательно онемели от леденящего холода.

Посиневшими ладонями он наотмашь похлопал Чжао У по щекам:

— Эй, очнись! Очнись, ну же!

Парень не реагировал. Гу Юань закусил губу, быстро обыскал его куртку, но и там телефона не оказалось. На душе стало совсем скверно.

В глухой чащобе, да еще в такую метель, хватятся их не скоро. Одному богу известно, сколько времени уйдет на поиски. Сидеть на месте и покорно ждать спасателей в такую стужу — верная смерть.

Осмотревшись, Гу Юань подобрал более-менее крепкую ветку. Опираясь на нее и цепляясь за шершавые стволы сосен, он поднялся на ноги. Схватив обмякшего Чжао У за руки, он попытался закинуть его себе на спину.

Кое-как взвалив тяжелую ношу, он сделал всего два шага, покачнулся под непосильным весом и рухнул в снег. Едва не задохнувшись под навалившимся телом, Гу Юань с трудом спихнул Чжао У в сторону, отполз, тяжело переводя дух, а затем упрямо повторил попытку.

Будь он прежним, поднять Чжао У не составило бы большого труда — на съемочной площадке ему случалось таскать на плечах и куда более крупных актеров. Но сейчас, когда его собственное тело было до предела истощено затяжной болезнью, даже простая попытка оторвать парня от земли требовала колоссальных усилий.

Вглядываясь в темную, неразличимую стену леса, Гу Юань наугад выбрал направление. Полуволоком, полутягой он тащил Чжао У за собой, с трудом переставляя налившиеся свинцом ноги.

Разум нашептывал прагматичные вещи: они едва знакомы. Брось он Чжао У здесь, шансы

спастись выросли бы в разы. Однако Гу Юань слишком хорошо знал предел своей выносливости. Без посторонней помощи ему из этой глуши живым не выбраться.

Что ж, если суждено замерзнуть насмерть в этих сугробах, то хотя бы не в одиночестве. А если Чжао У повезет и парень выживет, возможно, в память о том, что его не бросили умирать, он присмотрит за маленьким Сяо Цзином.

Его племянник Сяо Цзин на самом деле не носил фамилию Гу от рождения. Сестра сменила ее после тяжелого развода. Теперь этот ребенок оставался единственной родной душой Гу Юаня на всем белом свете.

Собственно, ради него он и приехал в этот треклятый храм Цзинхун — хотел выпросить защитный амулет для малыша, который совсем недавно едва не попал в лапы торговцев людьми и сильно пострадал.

Кто же знал, что всё обернется так? Похоже, здесь его путь и закончится.

Когда Гу Юань рухнул в очередной раз, подняться сил уже не нашлось. Он так и остался лежать на снегу. Спасительным чудом стало то, что в этот момент Чжао У начал приходить в себя.

Открыв глаза, он увидел перед собой заснеженную чащу и смутные очертания человека, в которого был тайно влюблен. Чжао У сонно моргнул, решив, что это бред, но резкая боль во всем теле мигом вернула его к суровой реальности.

Он зашипел сквозь зубы, глядя на бедро, разодранное до крови во время падения со склона. Осторожно коснувшись затылка, где уже запеклась кровь, парень, шатаясь, поднялся на ноги.

Заметив лежащего рядом без сил Гу Юаня, он тут же бросился к нему, пытаясь помочь подняться.

Но едва Чжао У придержал его под локоть, как Гу Юань, словно от удара током, резко вырвал руку. Помертвев лицом, он отшатнулся к ближайшей сосне и, судорожно вцепившись в кору, зашелся в тяжелом приступе рвоты.

Его выворачивало наизнанку с такой силой, будто наружу просились сами внутренности. Напуганный Чжао У снова шагнул к нему, намереваясь поддержать.

— Не надо... — выдохнул Гу Юань, слабо махнув рукой и пытаясь удержать равновесие. — Я сам... всё в порядке.

Тяжелое прошлое оставило на нем неизгладимый след — он страдал острой формой гаптофобии. Прикосновения чужих людей вызывали у него паническое отвращение. Пока он

был без сознания, барьер не работал, но стоило ему прийти в себя, как любой физический контакт, даже через плотную зимнюю одежду, провоцировал сильнейший вегетативный криз, вплоть до глубоких обмороков.

Осознав, что его помощь отвергают, Чжао У растерянно уставился на собственные ладони, а затем перевел взгляд на глубокую борозду на снегу — след от того, как Гу Юань тащил его на себе. Внутри у Чжао У всё перевернулось от стыда. Его тайный воздыхатель буквально до полусмерти надорвался ради него, а его, Чжао У, прикосновение вызывает у этого человека лишь физическую тошноту?!

— Дело не в тебе, это моя личная беда, — тихо произнес Гу Юань, заметив его изменившееся лицо. — Из-за некоторых... событий я заработал это расстройство. Прости.

— Да брось, ничего страшного! — поспешно замахал руками Чжао У, пытаясь сгладить неловкость. — Бывает же и наоборот — тактильный голод, когда человеку жизненно необходимо обниматься. Так что твоя особенность совсем не странная!

В его голове наконец сложился пазл: вот, значит, почему Гу Юань на пике славы внезапно бросил шоу-бизнес и ушел в тень.

Пока Чжао У переваривал эту мысль, Гу Юань уже заставил себя выпрямиться и сделать шаг вперед.

— Нужно идти, — негромко бросил он и глухо закашлялся. — Иначе мы оба околеем здесь до рассвета.

Чжао У, сильно припадая на раненую ногу, поспешил следом.

Где-то в глубине ущелья завывали волки. Каждый шаг давался с невероятным трудом — ноги по колено увязали в плотных, безжалостных сугробах.

Сзади раздался глухой стук. Чжао У, шедший впереди, стуча зубами от леденящего страха и холода, испуганно обернулся. Гу Юань, отставший на несколько метров, лежал на боку, неподвижно уткнувшись лицом в пушистый снег.

Парень, забыв про боль, заковылял обратно:

— Эй... ты как? Живой?

Гу Юань медленно, сквозь силу открыл глаза и едва слышно прошелестел:

— Всё... нормально.

Его голос был настолько слабым, что в свисте ветра Чжао У разобрал слова лишь благодаря феноменальному слуху.

— Пожалуйста, не вздумай умирать, — шмыгнул носом Чжао У, глядя на его посиневшие губы. Голос предательски дрогнул. — Если я останусь тут один, я просто свихнусь от страха.

Вокруг высились лишь безмолвные черные стволы да бесконечные сугробы под аккомпанемент волчьего воя. Смерть Гу Юаня стала бы для него точкой невозврата.

Интересно, услышал ли Цинь Хуань его крик перед тем, как они покатались в ущелье? Если нет, то к утру их найдут уже окоченевшими ледяными статуями.

Господи, как же холодно...

Помня об острой реакции товарища на прикосновения, Чжао У не решился прикоснуться к нему. Он отыскал обломанную ветку и протянул Гу Юаню, помогая тому подняться.

Кое-как вытянув его из сугроба, Чжао У сам без сил повалился на снег. Изнуряющий холод, дикая усталость и ноющая боль в бедре выжали из него последние остатки воли. Двигаться дальше он больше не мог.

Гу Юань слабо попытался увлечь его за собой, но парень лишь покачал головой:

— Всё, я пас... Слишком холодно. Кажется, я здесь и останусь.

Сознание уже подергивалось сонной дымкой. Чжао У мутным взглядом посмотрел на Гу Юаня:

— Иди один. Если выберешься... скажи Цинь Хуаню, пусть заберет мое тело.

Гу Юань из последних сил горько усмехнулся и опустился рядом с ним прямо в сугроб:

— И с чего ты взял... что я смогу дойти?

Оба понимали: это конец.

Но в тот самый момент, когда надежда окончательно угасла, из темноты донесся спокойный, слегка хрипловатый голос:

— Вот вы где.

Сквозь пелену снегопада к ним неторопливо вышел Янь Пин. Под их ошеломленными взглядами он набросил на их плечи сухие куртки, а затем незаметно вложил в ледяные ладони Гу Юаня карманный обогреватель. Увы, теплый гаджет у него был всего один.

Гу Юань уставился на спасительную грелку в своих руках. Его взгляд выражал крайнее изумление.

Янь Пин? Кто угодно мог прийти к ним на выручку — Цинь Хуань, монахи, случайные спасатели, но только не этот холодный, равнодушный человек. Это не вязалось с его характером.

Тем временем Чжао У, натянув куртку, наконец осознал реальность происходящего. Он мертвой хваткой вцепился в ногу Янь Пина и разразился диким ревом:

— Мама дорогая! Я думал, нам крышка! Ты настоящий?! Ты мне не чудишься?! Господи, Янь Пин, я готов тебя расцеловать!

В самый отчаянный момент, когда они мысленно прощались с жизнью, спасение пришло. Пусть даже в лице этого нелюдимого парня — Чжао У было плевать, он рыдал от переизбытка чувств.

«Пусть только попробует кто-нибудь при мне вякнуть, что Янь Пин — подонок, сразу в табло пропишу! У всех бывают плохие дни. Если он раньше и слал нас на три буквы, так просто под горячую руку попадали!» — лихорадочно крутилось в его хмельной от холода голове.

Парень окончательно растерял остатки самообладания.

Янь Пин без лишних церемоний отодрал Чжао У от своей ноги и закинул его на спину. Затем он потянулся к Гу Юаню, но стоило ему коснуться чужого плеча, как того снова скрутил жестокий приступ тошноты.

Быстро сообразив, что у больного непреодолимое отвращение к тактильному контакту, Янь Пин не стал тратить время на уговоры. Он коротким, точным ударом отправил Гу Юаня в отключку, подхватил обмякшее тело на руки и уверенным, быстрым шагом направился прочь из ущелья.

Чжао У, висевший на его закорках в соплях и слезах, от такого зрелища даже плакать перестал.

«Ну ты даешь, мужик... — пронеслось у него в мыслях. — Слов нет. Даже с таким хрупким красавцем не постеснялся обойтись по-спартански».

Ночной лес вновь погрузился в безмолвие, нарушаемое лишь хрустом снега и веток под

тяжелыми шагами их спасителя. Вскоре сквозь завывание ветра начали пробиваться далекие, но отчетливые крики людей.

Переживший эмоциональный взрыв Чжао У почувствовал, как на него накатывает свинцовая усталость. Он бессильно уткнулся носом в плечо Янь Пина.

«Как же тепло...» — лениво подумал он перед тем, как окончательно провалиться в небытие.

Оказывается, спина человека, которого он так искренне презирал, была такой широкой и надежной.

Во сне перед мысленным взором Чжао У раз за разом прокручивалась сцена спасения: темный силуэт Янь Пина, шагающий сквозь метель, казался окруженным мягким, почти божественным сиянием.

Ранним утром парень резко распахнул глаза. Первое, что он увидел, был Чу Сан, с аппетитом уплетающий лапшу прямо у его кровати.

Сонно моргнув, Чжао У хрипло спросил:

— А где брат Янь?

Чу Сан замер с набитым ртом и недоверчиво переспросил:

— Брат Янь? Это еще кто?

— Ну Янь Пин же! — выдал Чжао У.

Он поперхнулся и едва не выплюнул лапшу обратно в тарелку.

— Кха-кха! Ты... кха... с ума сошел? — Чу Сан подскочил к кровати и бесцеремонно прижал ладонь к его лбу. — Тебя там что, окончательно заморозило? Лихорадка началась?

Чжао У раздраженно отмахнулся и с предельно серьезным видом отчеканил:

— Я серьезно. Вчера Янь Пин вытащил меня с того света. Отныне он мой старший брат, и чтобы я больше ни одного худого слова в его адрес от вас не слышал.

Чу Сан вытаращил глаза, а затем резко развернулся к выходу и заорал на весь коридор:

— Брат Цинь! Брат Янь! Сюда скорее! У Чжао У крыша поехала!

В комнату спешно вошли привлеченные криком Янь Цзюнь и Цинь Хуань.

— Вообще-то Янь Пин действительно тебя спас, — рассудительно заметил Янь Цзюнь. — Так что если хочешь отплатить ему сыновней преданностью, я только за.

— Да и не такой уж он мерзавец, если подумать, — добавил Цинь Хуань. — Недавно в Облачном городе он вырвал нескольких детей из рук работорговцев.

— Что? Почему ты раньше молчал? — удивился Янь Цзюнь.

Цинь Хуань виновато отвел взгляд и невнятно кашлянул. Не признаваться же, какую «неоценимую» роль они сами сыграли в той заварушке.

— Ладно, проехали. Где мой брат Янь? — с надеждой в голосе спросил Чжао У.

От этого внезапного «брата Яня» Цинь Хуаня и Янь Цзюня аж передернуло, но они сдержались.

— Ушел еще на рассвете. Помогал полиции конвоировать настоятеля вниз по склону.

Лицо Чжао У мгновенно скисло. Немного помолчав, он спросил:

— Кстати, а что там вообще стряслось с этим монахом?

Настоятеля звали Кун Чжи. В свое время его, еще младенцем, подобрал старый глава монастыря. Мальчик вырос при храме, отличался мягким нравом и искренней набожностью. Все изменилось, когда на горе появился один человек.

Звали его Нань Цяо — избалованный наследник богатого семейства. Как-то раз он с друзьями отправился в поход, но в горах их застал сильнейший ливень. Спасаясь от непогоды, компания укрылась в стенах храма Цзинхун.

Взбалмошный, дерзкий и привыкший брать от жизни всё молодой господин приметил скромного послушника и смеха ради принялся его изводить своими шуточками и заигрываниями.

Маленький монах поначалу лишь отмалчивался да молился, стараясь не обращать внимания на наглеца. Но богатый бездельник оказался на удивление упрямым — он стал приходить в монастырь чуть ли не каждый день, выдумывая всё новые поводы для встреч.

Постепенно неприязнь переросла в дружбу, а затем и в нечто большее.

Нань Цяо влюбился первым и приложил все усилия, чтобы заставить юного послушника нарушить обеты и ответить взаимностью.

Они были счастливы, пока семья Нань не принудила наследника к выгодной женитьбе. Узнав об этом, Кун Чжи назначил любимому последнее свидание. Там же он его и убил, замуравив остатки тела прямо в опорную колонну перед входом в свои покои.

Как признался на допросе сам Кун Чжи, Нань Цяо даже не пытался защищаться. Он лишь с нежностью смотрел на своего палача, безропотно принимая смерть. Его последними словами были: «Живи во что бы то ни стало».

Кун Чжи не хотел позорить своего наставника, старого настоятеля, бегством или скандалом. Они ждали... Вот только финал оказался трагичнее, чем виделось безумцу.

Спустя много лет монах узнал, что семья Нань прознала про их порочную связь и шантажировала Нань Цяо жизнью его возлюбленного. Тот согласился на брак лишь ради спасения Кун Чжи.

Уходя из дома на последнюю встречу, Нань Цяо обставил всё так, будто совершил побег, поэтому у следствия и его родни никогда не возникало подозрений в отношении скромного монастыря.

Выслушав эту жуткую исповедь, Чжао У вытаращил глаза от шока:

— Офигеть... Так вот почему он наотрез отказывался сотрудничать с туристическими агентствами и превращать монастырь в курортную зону! Боялся, что раскопают его тайну!

— Именно, — кивнул вошедший в комнату Гу Юань. — Все эти годы безумный старик молил лишь об одном: встретиться с Нань Цяо в следующей жизни. Дерево желаний буквально усыпано их именами. Он давно потерял рассудок. И самое страшное — мы не первые, кто случайно наткнулся на эту тайну. Всех любопытных до нас либо сбрасывали в ущелье, маскируя под несчастный случай, либо заживо закапывали под корнями того самого дерева в качестве подношения.

— Кха-а-а... — Чжао У скривился, его откровенно замутило. Свесив ноги с кровати, он попытался подняться. — Пустите меня! Я должен пойти и сорвать свою ленточку! Эта проклятая деревяшка осквернила мои чистые помыслы о вечной любви!

Тем временем Янь Пин, покинувший монастырь еще до рассвета, трясся в машине.

Неугомонный Бай Фан тащил его к горе Миншань — отмокать в горячих источниках.

— Брат, я всё разузнал! Эти новые источники на горе Миншань — просто нечто! Сервис на высшем уровне, виды потрясающие. А как прогреемся, рванем на лыжную трассу на склоне! — без умолку трещал Бай Фан. Он давно планировал эту поездку, выжидая удобный момент, и едва закончив съемки в шоу, тут же примчался за Янь Пином.

Сам Янь Пин, выдернутый из постели бесконечными звонками, сидел на пассажирском сиденье с обреченным видом. Впрочем, сильной досады он не испытывал. Сейчас на его счету скопилось двадцать четыре очка заслуг. Зима только началась, так что собрать оставшиеся двадцать одно очко для него не составит труда. Выкроить пару дней и развлечься с парнем — не самая плохая плата за покой.

<http://bllate.org/book/18369/1866451>